

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ РОССИИ (1764-1917 гг.)

AGRICULTURAL AND ECONOMIC MODE IN RUSSIA'S GERMAN COLONIES (1764-1917)

S. Semakin

Annotation

The article analyses the peculiarities of the economic development of German settlements in Russia in 1764–1917. The analysis of the agricultural and economic setup of these settlements–communities is stressed. The Germans who moved to Russia due to Catherine II's manifestos had to adapt themselves to the setup of the Russian peasant community. The article focuses on such aspects as agricultural development of the settlers in the 18th – early 20th century; the transformation of the way of life and the evolution of the settlements; the emergence of new categories of settlers (Stammwirte, Nebensitzer, ploughmen etc.); the convergence of Russian and German communities; the development of crafts and industry in the settlements.

Keywords: Agrarian law, plot of land, general communal ownership, private communal ownership, economy, agriculture, craft, industry, pasture, meadow, crew of workers, plant, factory, rent, Mennonite Baptists, tobacco plantations.

Семакин Сергей Иванович

К.и.н., доцент,

МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье рассматриваются особенности экономического развития немецких колоний в России в 1764–1917 гг. Акцент сделан на анализе земледельческо-хозяйственного уклада этих колоний–общин. Немцам, переселявшимся в Россию вследствие манифестов Екатерины II, приходилось подстраиваться под уклад русской крестьянской общины. Особое внимание в статье уделено таким аспектам, как развитие земледелия колонистов в XVIII – начале XX веков, изменение уклада жизни, эволюция колоний, возникновение новых категорий колонистов (Stammwirte, Nebensitzer, хлебопашцев и др.), сближение русской и немецкой общин, развитие в колониях ремесла и промышленности.

Ключевые слова:

Аграрный закон, отруб, обычно–общинное владение, лично–общинное владение, экономика, земледелие, ремесло, промышленность, выгон, покос, артель, завод, фабрика, аренда, баптисты–меннониты, табачные плантации.

Вопрос о порядке землепользования в немецкой сельской общине выдвинулся на первый план с самого начала переселенческого движения из германских государств в Российскую империю. Приезжающие немцы–колонисты были деревенскими жителями и пытались возродить свой привычный уклад жизни на новой почве, однако им приходилось подстраиваться под многовековые традиции русской крестьянской общины. Этот процесс носил не стихийный характер, а регламентировался правительством "сверху" [1]. 19 марта 1764 года был принят закон, который отводил наделенную землю не в личное владение каждого хозяина, а в общее землепользование для всех жителей немецкой колонии. При этом земля выделялась в постоянное пользование колонистских семей по 30 десятин на каждую, из них – 15 дес. пашенной, 5 дес. – сенокосной, 5 дес. – лесных угодий. На особых условиях выделялось еще 5 дес. усадебной, огуменной, огородной и выгонной земли. Это делалось для того, чтобы "ни сами хозяева, коим дача учинена будет, ни наследники из тех своих участков продать и заложить, ниже в дробные части разделить не имели власти, а остались бы оные нераздельно во владении жителей той деревни, дабы никогда и ни под каким видом земли

сих новых поселений в посторонние руки достаться не могли".

Тем самым этот закон устанавливал общинное владение с распределением всей земли между отдельными семьями в постоянное пользование. Речь шла о лично–общинном владении, в отличие от обычного общинного с периодическими переделами земли между членами общества по душевому и тягловому принципам. Закон имел серьезные последствия и способствовал возникновению своеобразного колонистского землепользования, отличавшегося как от русского сельского общества, так и от западной немецкой марки. В Германии немецкая община состояла из самостоятельных личных собственников, независимых друг от друга, и от общества. Община лишь соединяла их в территориальный административно–полицейский союз и не имела права вмешиваться в экономическую жизнь и хозяйственную деятельность своих членов. Благодаря этому, по признанию современников, в немецких колониях на российских просторах сложилась полупривилегированная и эффективная система крестьянского землепользования, фактически избавленная от крепостного права. В таком виде эта система просущес–

твовала до октября 1917 г., а кое-где и до политики сплошной коллективизации [2, с. 216].

Бессменное пользование одним и тем же земельным участком ставило хозяйство отдельных единиц-дворов в более выгодное положение, нежели при обычном общинном владении. При последнем поля подлежали постоянным переделам, и зачастую не было мотивации в улучшении земли, которая при последующих переделах уходила другим лицам. Более того, лично-общинное владение имело значительное преимущество и перед западным личным владением. Так, владелец крестьянского земельного надела на Западе имел право не только утилизировать свои угодья по собственному усмотрению и вводить в них ту или иную систему хозяйствования, но и беспрепятственно отчуждать свой надел посторонним лицам, не нуждаясь ни в чьем согласии или разрешении. С точки зрения развития капитализма такое явление можно рассценивать как прогрессивное. Однако в условиях XIX – начала XX в. такое бесконтрольное распоряжение наделом нередко приводило и к негативным последствиям, в частности, к обезземеливанию массы крестьянского населения и к сосредоточению участков мелких собственников в руках крупных дельцов. При отсутствии в то время значительного парка машинной техники это не вело к повышению производства сельскохозяйственной продукции, а способствовало постепенному нарастанию социальной напряженности, как в городе, так и в деревне. Не случайно Российская империя и США являлись длительное время главными поставщиками сельскохозяйственной продукции и сырья в Западную Европу.

Как известно, при общинном владении невозможно ни обезземеливание члена общины, ни скупка участков в одни руки, ни слияние мелких в крупные – в этом и заключается его преимущество перед личным владением. Именно благодаря этому в рамках общины крестьянин чувствовал себя более защищенным при любой беде (неурожаях, стихийных бедствиях, пожарах и т.п.). В такой обстановке веками формировалась психология русского крестьянина-общинника. Не индивидуализм западноевропейской марки, где каждый мог полагаться только на себя, а общинно-коллективистский дух и взаимопомощь русской общины были основой жизни крестьянина. Правда, долгое существование крепостного права и непоследовательность в проведении реформы 1861 г. к концу XIX в. привели к развитию негативных тенденций в русской общине и обострению крестьянского вопроса в целом.

В соответствии с законом 1764 г. немецкая колониальная община отводила свою землю в потомственное и постоянное пользование каждой семье, каждого крестьянского двора без права отчуждения и раздела, благодаря чему двор общины составлял нераздельную хозяйственную единицу. Это способствовало установлению

минимума в качестве и размере подворного участка и давало возможность вести на нем рациональное хозяйство с развитием хлебопашества, огородничества, луговодства и лесоводства. В связи с этим немецкая община в России выгодно отличалась от западной и исконно русской. У колонистов наряду с земледелием возникла острая необходимость в развитии сельского ремесла и промышленности. Потребность в обеспечении экономического роста диктовалась и приростом населения немецкой общины. Так, в 1782 г. в Новороссии проживало всего 0,2 тыс. немцев, а к концу XVIII в. – уже 5,5 тыс., а общее число немецких колонистов в России достигло 45,7 тыс. Абсолютная численность немцев в Российской империи составила в начале 60-х гг. XVIII в. 166 тыс. человек, в 1782 г. – 323,6 тыс., а в 1796 г. – 361,8 тыс. (по сравнению с 1782 г. – прирост на 11,8%).

По данным переписей численность немецкого населения в России между V и X ревизиями (с 1796 по 1858 г.) возросла с 237 до 840 тыс. человек, то есть в 3,5 раза. Особенно высокий естественный прирост численности немцев-переселенцев наблюдался в первой трети XIX века. Среднегодовые темпы роста численности немецкого населения в этот период превосходят аналогичные показатели в среднем по Российской империи. Высокая рождаемость у немцев объяснялась рядом факторов. Прежде всего, существенное значение имели определенные привилегии, данные немцам-колонистам правительством. Среди них можно назвать освобождение немцев от рекрутской повинности, выделение им казенной различной пособий, наделение большими, удобно расположенными участками земли и т.д. Можно привести и другие примеры, связанные с естественным ростом численности немецкого населения в России, причем преимущественно в сельских колониях. Так, если в 1795 г. в Камышинском уезде Саратовской губернии немцы составляли 24,6% жителей, то в 1834 г. – уже 39,7%, в 1858 г. – 40,6%, в 1897 г. – 40,3%, а в 1917 г. – 48,2%. В Новоузенском уезде Самарской губернии в 1897 г. немцев насчитывалось 36,8%, в 1917 г. – 37,7%, в Николаевском уезде той же губернии соответственно – 12,5% и 18,7%.

Вышеприведенные данные говорят о том, что двор и хозяйство немецкой общины не только постоянно были обеспечены трудовой силой, но и испытывали ее избыток. Именно эти "лишние люди" в немецкой общине активно занимались ремеслом, торговлей, организацией несложного промышленного производства, что являлось большим подспорьем для земледельческой деятельности. Ко второй половине XIX в. немецкие ремесленники, торговые люди, купцы и промышленники при поддержке государства уже сами строили сахарные, кожевенные, каретные, мукомольные заводы и др. Обращает на себя внимание и тот факт, что закон 19 марта 1764 г. учреждал колонии как раз таким образом, чтобы 2/3 жителей колоний являлись хлебопашцами, а 1/3 – занимались ремес-

ленным и промышленным трудом. Поэтому земледельцы общины наделялись 30 десятинами земли в разных угодьях, а ремесленникам и "промышленникам" отводились при каждом селении лишь места дворовые, огородные и выгонные. Весьма продуманно в соответствии с законом организовывались места для ярмарок и торговли, отведенные в главных селениях каждого округа.

Нельзя также не заметить, что эти вопросы регламентировались фактически с самого начала устройства иностранных колоний. Уже по манифесту Екатерины Великой 1764 г. и в других официальных актах часть колонистов именовалась "ремесленниками и художниками", им были обещаны от казны "потребные к рукоделию всякие инструменты, припасы и материалы". Благодаря этим положениям в то время отчасти решалась проблема развития ремесла и промышленности в России. Кроме профессиональных ремесленников, вызванных из-за границы, "взрачивались" свои отечественные специалисты, ремесленники из числа "излишков" земледельческого населения. Устанавливая неделимость поселянского двора-хозяйства, центральные и местные власти заботились и о том, чтобы немецкая земледельческая община не была обременена чрезмерным количеством "едоков", и чтобы ее хозяйство было в состоянии прокормить колонистов. При каждой общине-селении "некоторую часть, как из пашенной, так и из прочих угодий оставляют впусе для будущих детей, чтобы оные, пришедши в возраст и женясь, сами хозяевами быть могли". Законодательство также предусматривало, чтобы неженатые члены больших семей могли наниматься в работники в обеспеченных малых семьях. Все эти меры должны были страховать колонии в период демографических подъемов от социальной напряженности. Если возникал избыток населения, ненужный для земледелия и обременительный для двора-хозяйства, то эти люди должны были "питаться рукоделием и промыслами".

Положения о хозяйственной деятельности земледельцев содержат и правила о наследовании в общинах-колониях. В частности, двор со всеми его угодьями наследовали не все члены семьи, а только лишь младший сын "в таком рассуждении, что каждый отец, зная сие узаконение, присужден будет стараться детей своих с самого их малолетства учить разным ремеслам". Таким образом, несмотря на отсутствие во второй половине XVIII – начале XIX в. государственной программы по подготовке ремесленников и специалистов для промышленности, царское правительство, насколько это было возможно, пыталось решать эти задачи. Это хорошо видно на примере иностранных колоний, опыт которых постепенно распространялся в XIX в. во многих российских губерниях. Лично-общинное землепользование в немецких хозяйствах обеспечивало весьма устойчивое существование определенного ядра земледельческого населения колоний, которое ни при каких условиях не могло подвер-

гнуться обезземеливанию, так как "излишек" населения земледельческих колоний служил важным подспорьем самому земледелию.

Часть колонистов, свободно занимаясь ремеслом, промышленностью и торговлей довольно щедро обеспечивала земледельческую общину инвентарем, различными инструментами, порой довольно сложными сельскохозяйственными механизмами, различными повозками, телегами, снаряжением для гужевого транспорта и т.п. Фактически при деревнях возникли своеобразные "цехи", снабжавшие земледельцев необходимым инвентарем на весенне-летне-осенний период, когда решалась судьба урожая. Тем самым отпадала необходимость в частых поездках на рынки, в крупные населенные пункты и города, где поначалу только и можно было приобрести необходимое для земледелия оборудование. Центральные и местные власти делали все необходимое для того, чтобы неземледельческий элемент общины не чувствовал себя ущемленным. Ремесленники и торговцы, помимо двора и огорода, наряду со всеми членами общины, имели право на неразделяемые угодья. К ним относились реки, озера, болота, глинистые и песчаные почвы, рыбные и звериные промыслы и т.д.

В конце XVIII – первой половине XIX в. землепользование в немецких общинах и развитие самих колоний стали претерпевать существенные изменения, что было сопряжено с определенными трудностями. Это было связано, прежде всего, с естественным приростом немецкого населения в империи. Со временем между земледельцами колоний возникли некоторые различия. Одни стали именоваться коренными хозяевами (Stammwirte), другие – отдельно живущими (Nebensitzer). Коренными назывались, как правило, изначально приехавшие в Россию переселенцы в соответствии с манифестами Екатерины II 1762–1763 гг. Именно они получили от царского правительства 30-десятинные участки, разные уступки, были освобождены от рекрутской повинности и, в отличие, от русских крестьян пользовались многими привилегиями. Тех, кто отделился от больших по составу семейств, выходил из колоний и неоднократно менял место жительства стали называть отдельно живущими или приселенцами. В колониях таких "гастролеров" не приветствовали, но и не отталкивали, а принимали по-деловому. Так проявлялись исконно немецкие национальные черты характера: жесткая дисциплина и строгость в хозяйственной деятельности и общественной жизни, пунктуальность, активная внутриобщинная взаимопомощь.

Со временем в развитии немецких колоний обозначились две тенденции. Во-первых, происходил, хотя и весьма незначительный, синтез русско-немецких общин. Во-вторых, внутриобщинная перенаселенность не приводила к деклассированию земледельческого элемента. Отдельно живущие с согласия хозяев получали участки

земли в так называемых отводах (сверх опекунских дач), иногда даже наравне с коренными хозяевами. Кроме того, приселенцы пользовались усадьбой, огородной землей, лесом и выгоном наравне с коренными хозяевами. При естественном росте населения немецких колоний ощущался недостаток в земле, особенно в поселениях с плодородными почвами. Это не было повсеместным и одновременным явлением, однако эта проблема требовала решения. Одни колонисты снимали с оброка соседние казенные земли, другие запахивали их самовольно. В некоторых случаях колониям выделялись удобные земли для искусственного разведения леса и лугов. Эти вопросы иногда решались на самом высоком государственном уровне. Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства постоянно рассматривала просьбы колонистов о новой нарезке земель. В конце XVIII в. такая нарезка состоялась, но нормой участка была выбрана не семья, а в соответствии с 5-й ревизией (1796 г.) ревизская душа мужского пола. На одну душу выделялось 20 десятин, что в те времена являлось достаточным количеством земли для хозяйственной деятельности. Подобные вопросы регламентировались указом от 4 декабря 1797 г., который повелевал: "1) недостающее по общему расчислению душ количество земли 63954 десятины при будущем Саратовской губернии межевании нарезать из казенных пустопорожных земель, кои с большею удобностью к колониям присоединены быть могут, б) поелику же некоторые из тех поселенцев имеют превосходящее число против определяемой 20-десятинной пропорции, то сколько от них при сем межевании будет отрезано, все то количество поручить в непосредственное ведомство и распоряжение Экспедиции государственных хозяйств, в) присоединить к сему также нарезкою из земель пустопорожных 6331 десятин, дабы Экспедиция сообразно воле нашей имела в готовности земли на 1000 семей, на случай будет вновь подобные сим иностранцы переселиться пожелают" [3].

С началом XIX в. в Российской империи наблюдается повсеместный прирост населения, особенно в сельской местности. Сложившееся положение создавало дополнительные трудности для земледельческой работы колонистов. Но и в данной ситуации они не были брошены на произвол судьбы. В начале XIX в., уже при личном участии императора Александра I, проводилось немало мероприятий, касавшихся немецких колоний. В эти годы был опубликован целый ряд указов, способствовавших улучшению земледелия и положения самих поселений. Среди них указы от 4 декабря 1797 г., от 4 сентября 1802 г., от 12 декабря 1802 г., от 12 марта 1840 г. и др. В этом отношении примечательно высочайшее повеление от 12 марта 1840 г., в котором говорилось: "Утвердить предположение комиссии, которая была составлена для рассмотрения поданных колонистами просьб о наделении их землями по числу душ 8-й ревизии, а именно: чтобы прежде наделение, при котором качество земли опре-

деляли сами колонисты, осталось неприкосновенным и чтобы, по дополнении оно на том же правом недоданным числом десятин в 20-десятинную пропорцию на душу 5-й ревизии, причитающееся затем количество земли в новую 15-десятинную пропорцию на души 8 ревизии отмежевать им на точном основании межевых правил, преимущественно из смежных с колониями или близких к ним земель; в отдаленности же избрать такие места и столь пространственные участки, чтобы можно было основать несколько колоний, которые составили бы особый округ". Колонистам вплоть до середины XIX в. выделялись новые земли, правда, нередко не всегда удобные для обработки. Но немецкие колонисты успешно справлялись с разного рода трудностями и даже основывали новые процветающие колонии.

В последующие десятилетия в положении немецких колоний произошли существенные изменения. Прежде всего были полностью запрещены массовые переходы земледельцев из одной колонии в другую, а разрешались только единичные переходы с согласия общин. Правительственные учреждения стремились к тому, чтобы земли осваивались равномерно, и пытались не допускать даже в малозаселенных уездах больших пустошей. Вопросы хозяйственной деятельности в деревне достаточно четко регламентировались. Если органы опекунства или общинного управления, сталкивались с какими либо проблемами в колонистском движении, то и они, как правило, решались без проволочек. При этом эти меры вовсе не носили характер жестких запретов. Напротив, власти тщательно изучали проявления недовольства, ходатайства, инициативы снизу и только потом принимали решения. Так, еще в 30-50-е гг. XIX в. губернские власти столкнулись с самовольным переселением некоторой части немецких колонистов Поволжья на Кавказ. Несмотря на то, что наместник Кавказа М.С. Воронцов не признал это переселение и распорядился впредь запрещать эти акции, никаких репрессивных мер в отношении самовольных переселенцев не последовало. Более того, в 1859 г. они основали при Нальчикской крепости Пятигорского уезда Александровскую колонию.

Показательной является сама по себе и настойчивость колонистов, которые в течение многих лет постоянно подавали ходатайства о переселении на Кавказ в Кантору иностранных поселенцев, в Министерство государственных имуществ и другие инстанции. В итоге 25 апреля 1865 г. был подписан указ, разрешавший колонистам селиться на Кавказе "с зачислением их на общем положении в государственные крестьяне". Благодаря этому указу в Ставропольской губернии образовалась немецкая колония Канова. Всего с 1838 г. по 1871 г. на Кавказ переселилось 1303 колониста. В силу этих тенденций к концу XIX в. довольно сильно изменилось положение немецкого земледельческого элемента. Немецкие

хозяйства окрепли и постепенно лишались изначальных привилегий, в которых фактически уже не нуждались. Постепенно преодолевалась и прежняя изолированность немецких колоний. Этот процесс сопровождался усложнением структуры немецких хозяйств и усилением их особенностей в разных губерниях.

Еще до Великих реформ 1860–70-х гг. в немецких хозяйствах довольно активно осваивались капиталистические методы хозяйствования. Ремесленники объединялись в артели, строили поначалу небольшие заводы, фабрики в колониях как промышленной, так и сельскохозяйственной специализации. Еще с 30-х гг. XIX в. колонию общества сдавали в аренду земельные отводы. Доходы от аренды расходовались не только на поддержание экономического благосостояния колоний, но и на общественные нужды, в частности, на предоставление большей части земельных отводов общинам выселенцев. Охваченными становились все более или менее пригодные для земледелия участки, вплоть до осушаемых болот. Это делало более выгодной хозяйственную обработку новых наделов, а также позволяло привести в порядок финансовые ресурсы: податные платежи и платежные средства коренных обществ приводились в более уравнительное соотношение с прежними наделами. Вследствие указанных обстоятельств (возделывание земельных отводов, аренда и т.п.) колонисты изыскивали внутренние ресурсы и в 40–50-е гг. XIX в. образовывали новые колонии без поддержки государства.

Образование новых колоний, выделение отводов, а иногда и перераспределение земельных наделов не приводило к конфликтам между колонистами. Особенно большое значение это имело для первых колоний или так называемых коренных водворений. Именно на их плечи легло с самого начала (с 60-х гг. XVIII в.) бремя освоения многочисленных земельных массивов в Поволжье (и не только) в условиях непростых природно-климатических условий, резко-континентального климата, в соседстве с многочисленными народами Российской империи. Поэтому выходцы на отводы и дополнительные наделы не теряли связи с коренными обществами. В этом можно увидеть исторический пример или даже урок общинного взаимодействия и взаимовыручки между немецкими колониями, которые в XIX в. уже в определенной степени усвоили традиции внутреннего уклада русской общины. Так, коренные общины помогали устраиваться выселенцам на новых местах, возводить общественные постройки. Кроме того, эти общества снабжали выходцев на отводы и дополнительные наделы хлебом и деньгами, содействовали их переездам, устройству хозяйств на новых местах. Благодаря такой поддержке желающих переселиться на дополнительные отводы всегда было достаточно; новые водворения довольно быстро обретали статус окрепших колоний и уже не нуждались в сторонней поддержке.

Таким образом, приспособление немцев-переселенцев к российской действительности в целом шло весьма успешно. Правда, отдельные негативные явления все же имели место. Известны случаи, когда на нагорной стороне Поволжья вновь отведенные дополнительные наделы земли обрабатывались скверно, или колонисты вообще от них отказывались. В 1854 г. по распоряжению Министерства государственных имуществ Саратовской Конторой иностранных поселенцев колонистам нагорной стороны отводился участок земли в размере 137467 десятин, а в 1859 г. по такому же распоряжению – другой участок в размере 109527 десятин. Эти земли находились вдоль Покровского солевозного тракта и в южной части Новоузенского уезда за Волгой, довольно далеко от коренных обществ. Местность, на которой выделялась эта земля, была безводной и частью покрыта солончаками, поэтому почва по качеству сильно уступала землям не только почти 100 лет назад образованных колоний, но и совсем недавно отведенным наделам. Столкнувшись с этим, немецкие колонисты отказывались от новых земельных массивов, просили заменить их другими участками, однако получили отказ.

Тогда по инициативе Конторы иностранных поселенцев колонистам предложили обсудить возможность сдачи этих земель в аренду дробными частями с торгов. Эта инициатива была поддержана немецкими обществами. Однако, как показала практика, арендные финансовые сборы длительное время оставались дефицитными и не покрывали проблем колониального землепользования. Только к 1861 г. торги стали успешными, дали значительные излишки и переселенческий капитал составил 155624 руб. К 1871 г. он достиг уже солидной суммы в 400000 руб. Насколько эффективно использовались эти средства, исследователям еще предстоит выяснить, и вообще, на наш взгляд, многие аспекты экономической деятельности колоний требуют дальнейшего скрупулезного анализа.

Следует отметить, что указанные трудности и проблемы в значительной степени являлись объективными. За столетие существования немецких колоний казна выделила огромные средства на их поддержку, земельные ресурсы также не были безграничными. Вместе с тем, немецкие колонии вовсе не приходились обузой государству и способствовали экономическому развитию России. Правительство и органы управления колониями разработали целую систему правил, которым следовали переселенцы. Эта система ориентировала колонии на самостоятельное решение возникающих внутренних проблем. Правила 4 июня 1871 г., выработанные для переселенцев, сводились к следующему: 1. К переселению допускаются только такие хозяйства, которые имеют необходимые для ведения хозяйства орудия, рабочую силу и скот. 2. Выселение из коренных обществ совершается без принуждения, а решившиеся на выселение семьи

свободно водворяются по собственному выбору: или в одной из новых колоний, при которой остались свободные земли для надела, или на новых местах. Последнего рода случаи допускаются, когда выселенцы, составив партию, равную по числу душ не менее половины комплектного числа душ для новой самостоятельной общины, избрали себе под водворение свободный участок, устраивая самостоятельную общину. 3. Сверх установленных выдач деньгами и натурою, определенных приговорами, общества принимают на себя уплату податей и повинностей за своих выходцев в течение трех лет. 4. Окружные общественные постройки новых водворений возводятся за счет переселенческого капитала. 5. Из того же переселенческого капитала выселенцы имеют право получить беспроцентную ссуду на возведение общественных построек, школ и молитвенных домов, на покупку рабочего скота, продовольственного и посевного хлеба в неурожайные годы и т.д., с обеспечением возврата ссуды круговым ручательством новых обществ и общественными запашками. 6. За оказавшиеся в обществах излишние против наличного числа душ земли общества уплачивают установленную казною дополнительную подать по 8 коп. с десятины" [4].

Во второй половине XIX в. выселение из коренных колоний и комплектование новых поселений шло неравномерно. Новые колонии, теперь уже организовывались из переселенцев разных коренных колоний, что создавало дополнительные трудности. Одни поселения развивались быстрее и успешнее, другие медленнее. Вместе с тем в 1860–80-е гг. процесс переселений внутри колоний и между колониями шел волнообразно, то усиливаясь, то затихая. На изменения в развитии колоний повлияло и бурное развитие капитализма в России в 1880–90-х гг. В результате неожиданно возникающих трудностей переселенческий капитал колонистов порой поступал в распоряжение казны и выселенцы не всегда вовремя могли им воспользоваться. Так, русско–турецкая война 1877–1878 гг. и неурожай 1880 г. требовали от государства больших затрат, переселения с этого момента прекратились или стали крайне ограниченными. К тому же в 1881 г. истек очередной и последний льготный десятилетний срок для немецких колонистов, желавших переселиться в Россию. Еще в 70-е гг. XIX в., после введения для колонистов всеобщей воинской повинности, они, хотя и очень редко, стали переселиться в Америку, и в последующие десятилетия этот процесс усилился. Однако и в начале XX в. большинство выходцев из Германии находилось именно в России, эта ситуация не изменилась и в послеоктябрьский период.

Возвращаясь к истокам колониистского движения в нашей стране, толчок которому был дан манифестами Екатерины Великой 1763–1764 гг. и всевозможными высочайшими предписаниями и льготами, необходимо еще раз сказать о сути этого явления, о главных задачах,

которые ставились перед колонистами. Важнейшей из них было освоение земель и хлебопашество. Поскольку Россия преимущественно оставалась аграрной страной, то главное назначение колонистов заключалось в развитии земледелия. Особенностью немецких общин было то, что во многих из них активно развивалось ремесло. Это объяснялось рядом причин: 1) преемственностью, переносом этих традиций из германских земель на русскую почву; 2) удаленностью колоний от крупных населенных пунктов и городов; 3) замкнутостью и изолированностью немецких колоний от внешнего мира и др.

Однако ремесло считалось второстепенным занятием и подспорьем для земледелия. Каждый ремесленник, мастер той или иной профессии, начинающий промышленник обязан был иметь свой надел и заниматься земледелием, обладать плугом и инвентарем для возделывания земли. Этот строгий регламент просуществовал вплоть до 1871 г. До массового притока немецких переселенцев из Германии в Россию земледелие здесь велось традиционным способом: очень рано, в 5–6 часов утра все взрослые члены семьи выходили на полевые работы. Распашка земель велась сохой, жатва – серпом, а обмолот – цепами. В Западной Европе земледельческие работы велись фактически на том же уровне, хотя в каждой стране имелись свои особенности. Немецкие колонисты привнесли в земледельческую культуру России некоторые новации. Повсеместно они стали использовать плуг, косу и деревянную молотилку, привезенные из Германии.

Особая благодать "пролилась" на немцев, когда они увидели необъятные русские просторы. Поначалу это позволяло колонистам осваивать любые пригодные для земледелия участки. Со временем, правда, этот процесс был регламентирован правительством, однако переселенцы не очень считались с установленными правилами. Нехватка земли для колонистов стала ощущаться только к середине XIX в. Колонисты сыграли значительную роль в освоении незаселенных земель, широко использовали трехпольную систему. В России главным образом выращивались злаковые культуры: рожь, пшеница, просо и др. Немецкие колонисты стали возделывать белотурку, картофель, увеличили посевы льна, конопли, дававшие на рыночных продажах большой доход. Кроме того, они впервые на русских землях начали производить табак особых сортов, превосходивших порой посевы хлеба. Вместе с тем, колонисты, в 1782 г. уравнившие в правах с русскими крестьянами, испытали на себе влияние местной общинной системой земледелия. Интересен тот факт, что не только немецкие, но и шведские, сербские, греческие, болгарские, французские и другие колонисты перенимали как способы ведения земледельческого хозяйства, так и некоторые черты быта русской деревни [5, с. 307].

К концу XVIII в. немецкие колонисты луговой стороны

Поволжья предпочли специализироваться исключительно на разведении пшеницы и табака. На нагорной стороне возделывались пшеница, рожь, овес, ячмень, картофель. Кроме того, повсюду в поволжских немецких колониях для собственного потребления выращивались овощи в огородах, арбузы, тыквы и другие культуры на бахчах. Переселенцы способствовали производству этих культур в России, особенно в Поволжье, Юго-Западном регионе, в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Как и местное население они также выращивали рожь, овес и ячмень. Однако главным источником дохода и благосостояния немецких колоний являлось производство пшеницы, сбор урожая которой доходил до 10 млн пудов в год. Это зерно широко покупалось на внутреннем рынке страны, а также шло экспорт. На рожь имелся большой спрос в самих колониях, поэтому в продажу поступала лишь ее малая часть.

Производство табака тоже давало немало доходов и колониям, и государственной казне. Табачные плантации имелись во всех немецких колониях и служили в основном для внутреннего потребления. Тем не менее, в Панинском, Екатериненштадтском, Красноярском и Тонкошуровском округах, находящихся на луговой стороне Поволжья, табак производился и на рынок. Большими партиями его закупали калмыки Астраханской губернии, он пользовался спросом на Кавказе и других южных губерниях, что побуждало колонистов расширять плантации этой культуры. Уже в первой половине XIX в. табаком ежегодно засеивалось свыше 6000 десятин с урожаем до 40000 пудов. Такое обилие табака позволило колонисту по фамилии Штаф открыть в 1828 г. в Саратове первую в Российской империи табачную фабрику. В 1856 г. в колонии Золотурн 129 хозяев устроили на кооперативных началах вторую табачную фабрику под названием "Волжская табачная фабрика колонии Золотурн". В 1860 г. фабрика отправила в Саратов, Самару, Симбирск, Нижний Новгород и Оренбург 940 ящиков курительного табака, 166500 штук сигар и 320000 папирос; на складе осталось 1894 ящика табака, 47700 сигар и 225000 папирос на сумму 14834 руб. 90 коп.; в качестве налога за бандероли было уплачено 2893 руб. 75 коп. В 1870 году колонисты занимались табаководством: в Саратовской губернии 85 семей с посевными площадями 192 дес. и в Самарской губернии – 1498 семей с посевными площадями 6896 дес., на которых было выращено 402144 пуда разных сортов табака стоимостью около миллиона рублей. В 1872 г. колонистами только Николаевского уезда был собран урожай в 500000 пудов табака стоимостью около 1 миллиона 200 тысяч рублей. При средней раскладке каждая семья, занимавшаяся посадкой табака, получала доход в 62 руб. 71 коп. Табак отправлялся в Саратов, Казань, Нижний Новгород, Астрахань, Тамбов, Пензу и Симбирск по цене: русский – 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 50 коп., немецкий – 1 руб. 30 коп. – 3 руб., турецкий – 2 руб. – 3 руб. 10 коп. за пуд". Около 3000 пуд-

дов табака отправлялось в Сарепту, где он обрабатывался на местной фабрике. Урожай табака определялся в среднем от 50 до 100 пудов с десятины [7, S. 231].

Особенным в немецких колониях было земледелие баптистов-меннонитов. Это объясняется целым рядом причин исторического, политического и социального характера. Со временем желающих переехать в Россию из Западной и Центральной Европы оказалось так много, что указом от 20 февраля 1819 г. приглашение иностранцев в качестве колонистов было прекращено. Заграничным миссиям запрещалось выдавать русские паспорта и документы на въезд в Россию. Несмотря на это, колонистское движение продолжалось, хотя и пошло на убыль. С этих пор российские власти очень редко издавали отдельные указы, сепаратные разрешения на въезд в Россию, которые сопровождались жесткими условиями. Указ 1851 г. разрешил меннонитам, преследуемым в Пруссии, селиться на юге России. Это исключение для меннонитов было сделано совсем не случайно. В отличие от других сект Германии и Голландии, меннониты не шли на конфликт со светской властью и высшим духовенством, не требовали каких-либо властных должностей. Весьма твердыми и последовательными они были лишь в нежелании служить в армии. Именно за это их со временем стали преследовать в Нидерландах и Пруссии, после чего они устремились в Российскую империю. Главным качеством меннонитов являлось их особое упорство в труде, их безропотное послушание и поразительные способности к успешному ведению хозяйства всюду, где бы они не оказывались.

Ярким подтверждением этому может служить пример Данцигского поселения меннонитов в Пруссии. В отличие от других переселенцев, меннониты никогда не требовали для себя лучшей участи. В окрестностях Данцига они попросили у правительства выделить им так называемую Мариенвердерскую низменность, состоявшую из заболоченных, песчаных и солончаковых земель, заливаемых во время разливов Вислы. Этот пустынный район меннониты превратили в настоящий оазис. Прусское правительство вдохновилось этим примером и пошло на уступки меннонитам, даровав им некоторые льготы: они снова освобождались от воинской повинности, вся земля, которую они обрабатывали, передавалась им в полную собственность и др.

К концу XVIII в. меннониты в Германии вновь были лишены всех льгот и по особому указу Екатерины II стали переселяться в Россию, прежде всего в Таврическую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии. Только вернув меннонитам прежние льготы, прусское правительство с большим трудом удержало часть из них в границах своей страны. В середине XIX в. в Пруссии вновь распростирались воинскую повинность на меннонитов. Возмущенные сектанты с разрешения русских властей стали

переселяться в Поволжье. С 1853 по 1874 гг. в России было создано десять новых немецких колоний: Ганс-Ау и Линденау на берегу реки Тарлык (основаны в 1854, 1858 гг.), Кеппенталь (основана в 1855 г. у реки Малыш), Фрезенгейм (основана в 1860 г. недалеко от колонии Кеппенталь), Гогендорф (основана в 1861 г.), Лизандерге (основана в 1862 г.), Орлов, Остенфельд, Меденталь и Валуевка (основаны в 1871–1874 гг.)

В связи с введенными ограничениями для переселенцев во второй четверти XIX в. казна перестала выделять средства на создание колоний. Более того, от всех переселенцев требовалось 700 рублей залога, которые и тратились на устройство новых поселений. Меннониты прибывали на русские земли уже со средствами от продажи своих хозяйств в Пруссии и довольно быстро обустроились в новых условиях. Правда, лучшие земли были уже давно освоены, поэтому меннонитам приходилось заниматься земледелием в солончаковой и безводной степи. Но переселенцы не падали духом. Пожелания и ходатайства меннонитов довольно успешно выразил их полномочный представитель К. Эпп. Ему удалось добиться в Саратове аудиенции 11 августа 1860 года у главного ревизора колоний, действительного статского советника Г. Миллера. Эпп передал ему обстоятельный доклад, который содержал не только анализ проблем, с которыми сталкивались меннониты при переселении, но и представлял собой настоящую программу развития поселений и рекомендации по их управлению. В докладе говорилось: "Удобрение есть душа земли, черный пар дает грунту культивирующую силу для истребления корней, развивающихся в почве сорных трав. На этих двух факторах зиждется все земледелие степных местностей. Как воздух, солнце и дождь дают растению пищу и рост, так точно они действуют и на землю, если ее чаще разрыхлять. Если мы стряхнем с дерева листья, то помешаем его росту, а если повторим это чаще, то дерево может и совсем засохнуть. Ближнюю пашню можно удобрить навозом; возить же навоз на дальнее расстояние сопряжено с расходами и лишней затратой времени; поэтому дальнюю землю необходимо культивировать черным паром,

т.е. распашкой и разборонованием земли в течение лета два–три раза, чтобы сделать доступной воздуху, солнцу и влаге весь слой земли, в которой произрастет хлеб". К этому надо добавить, что меннониты привезли с собой земледельческие орудия и семена, а также сполна применили в чужой стране свои опыт, знания и трудолюбие [6, с. 44–45].

Меннониты успешно развивали и скотоводство, без которого интенсивное земледелие было просто невозможным. Скот круглый год, кроме летнего периода, содержался на конюшне, его кормили сеном, разрезанной на мелкие части соломой, дополнительно давали овес, добавляли отруби. О бережном отношении к земле свидетельствует и тот факт, что под усадьбу, двор, сад, огород и лес отводилось всего 5 десятин, а остальные 10 и более десятин меннониты распахивали, обрабатывая пахотную землю в пяти равных частях по пятипольной системе: черный пар, рожь, пшеница русская или белотурка (на глубокой осенней распашке), гирка (голоколоска); в пятую очередь – ячмень, овес, просо. Не случайно хозяйства меннонитов были довольно зажиточными: их урожай всегда превышал урожай окрестных крестьян и других немцев-колонистов более чем на 40%.

Большинство немецких колонистов поддерживали аграрную реформу П.А. Столыпина. Они активно включились в процесс приобретения новых земельных участков и переселенческое движение в Сибирь на неосвоенные казенные земли. Несмотря на то, что эта реформа не решила всех проблем населения немецких колоний, тем не менее, она дала шанс наиболее предприимчивым хозяевам развивать свои хозяйства в разных регионах. Первая мировая война прервала процесс развития немецких хозяйств не только из-за оттока мужского населения на службу в армию и сокращения выделяемых средств на проведение аграрных мероприятий, но и по политическим причинам: в каждом российском немце стали подозревать тайного врага, и в Государственной думе были поставлены на обсуждение вопросы ликвидации немецкого землевладения во всей империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велицин А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб.: Русский вестник, 1893. 286 с.
2. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 1997. 492 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIV. № 18263.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLVI. Отд. 1. № 49705.
5. Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М.: Современник, 1994. 444 с.
6. Семакин С.И. Организация земледельческого хозяйства, самоуправления и культурного развития в немецких общинах-колониях: вторая половина XVIII – XX вв. М.: МАКС ПРЕСС, 2011. 260 с.
7. Hempel C. Die deutschen Kolonisten im Samarschen und Sarotowschen Gouvernement // Baltische Monatsschrift. Bd. XII. Riga, 1865. 638 S.